

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И КРЕСТЬЯНСТВО ОПАРИНСКОГО РАЙОНА В 1920-Е ГГ.

Чемоданов И.В.

ФГБОУ ВПО «Вятский государственный университет», 610000, г. Киров, ул. Московская, 39, учебный корпус № 2, к. 103; тел.: 8 (8332) 64-19-71; e-mail: kaf_vseob_istoria@vyatsu.ru.

В статье рассматриваются тенденции и процессы, связанные с жизнью и хозяйственной деятельностью крестьянства Опаринского района в контексте социально-экономических преобразований 1920-х гг. Характеризуются природные и исторические факторы, влиявшие на развитие аграрного сектора. Раскрывается этническая специфика района, в составе населения которого велика была доля выходцев из западных губерний Российской империи (эстонцев, латышей и т.д.), мигрировавших на территорию района в годы Столыпинской аграрной реформы. Показано влияние столыпинских переселенцев на развитие сельского хозяйства района. Рассматривается практическая реализация в Опаринском районе аграрной политики советской власти, выявляется отношение к ней сельского населения. Прослеживаются изменения, происходившие в земледелии, животноводстве, агротехнике. Оценивается степень эффективности аграрных преобразований с точки зрения увеличения сельскохозяйственного производства и повышения жизненного уровня крестьянства.

Ключевые слова: крестьянство, сельское хозяйство, Опаринский район, столыпинские переселенцы, хутора, продналог, земледелие, животноводство, многополье, кооперация.

AGRICULTURE AND THE PEASANTRY OF THE OPARINO DISTRICT IN THE 1920 S.

Chemodanov I.V.

Department of Vyatka State University

The paper is devoted to the trends and processes in the life and economic activity of peasants from the Oparino district during social and economic reforms of the 1920s. Natural and historic factors influencing the development of the agrarian sector are characterized. The ethnic features of the district are revealed, the population of which contained a high percentage of immigrants from the western regions of the Russian Empire (the estonians, the letts, etc.) who moved to the territory of the district in the years of the Stolypin's agrarian reform. Influence of stolypin's immigrants on development of agriculture of the area is shown. Practical realization in the Oparino district of an agrarian policy of the soviet power is considered, the attitude towards her country people comes to light. Changes in field-crop cultivation, stock-raising, agrarian engineering are traced back. The effectiveness of agrarian reforms is estimated in terms of increase in agricultural production and standard of living for the countryside population.

Key words: Peasantry, agriculture, Oparino district, stolypin's immigrants, farms, provision tax, field-crop cultivation, animal husbandry, manyfield system, cooperation.

Успешное развитие сельскохозяйственного производства невозможно без учета исторического опыта аграрных преобразований. Целью данного исследования является изучение жизни и хозяйственной деятельности крестьянства Опаринского района Северо-Двинской губернии в 1920-е гг. Основу исследования составили неопубликованные документы Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). Применялись общенаучные методы исследования: системный и исторический. Использовался также сравнительный метод эмпирического изучения. Он дал возможность путем широкого сопоставления фактов, исторического анализа текстов, документов, статистических данных сформулировать главные выводы и обобщения. Результаты исследования позволяют выявить в развитии аграрного сектора Опаринского района как общероссийские тенденции, так и местную специфику, с учетом этнического компонента. В

соответствии с постановлением ВЦИК от 10 апреля 1924 года о районировании Северо-Двинской губернии в числе созданных в данной губернии 18 районов был образован и Опаринский район. В состав его были включены Опаринская, Кузюгская, Волмановская (Шабурская), Верхомоломско-Паломская, Переселенческая, Моломская, Паломохинская и Лузянская волости бывшего Никольского уезда Северо-Двинской губернии [5, с. 329].

Даже на уровне отдельного района выделялись свои отличия в формах хозяйствования и этническом составе населения. По экономическим и бытовым условиям район делился на две части: переселенческую (хуторскую) и старожильческую. Они отличались и по направлению развития сельского хозяйства, и по способам землепользования. Первая имела ярко выраженный животноводческий уклон, а вторая – зерновой. К переселенческой части относились Опаринский, Алексеевский, Лузский, Альмежский, Моломский, Поникаровский, Переселенческий, Верхне-Кузюгский и отчасти Шабурский сельские советы. Население их жило по раскиданным далеко друг от друга хуторам (как правило, в 1-2 дома) при вопиющем бездорожье. Обеспеченность землей здесь была довольно высокой, по 30-40 дес. на хозяйство в 3-5 чел., но пахотной земли было мало, преобладали лес и сенокосы. Высокая заболоченность, малоплодородные почвы (оподзоленные суглинки и супеси), а также неблагоприятные климатические условия – все это не способствовало развитию полеводства. Сенокосные угодья были преимущественно лесными, немногочисленные заливные луга характеризовались разнотравьем, велика была доля несъедобных растений (осока и пр.). Некоторым плюсом являлась близость к железной дороге, что давало крестьянам возможность иметь больше неземледельческих заработков, нежели в старожильческой части. Часть крестьян утрачивала связь с землей благодаря вовлечению в торгово-промысловую деятельность и мобилизации в армию.

По этническому составу переселенческая часть была достаточно пестрой: русские, эстонцы, латыши, белорусы, западные украинцы и др. 1905–1908 годы характеризовались усилением колонизации необжитых территорий района. В результате активизации переселенческой политики в процессе реализации Столыпинской аграрной реформы на территории современного Опаринского района было основано несколько тысяч хуторов [4, с. 5]. Грамотность среди столыпинских переселенцев была значительно выше, чем у старожилов, доходя до 90%. Это положительно сказывалось и на уровне культуры хозяйствования: практиковались многополье, посев трав и корнеплодов, пахота плугом, применение пружинных борон, жаток и молотилок. Имел место синтез приносимых переселенцами методов ведения хозяйства с местными традициями. Тормозом для развития аграрного сектора являлись мелкие поля, разбросанность земельных угодий и бездорожье.

Иным был облик старожильской части, в которую входили Верхомоломско-Паломский, Кузюгский, Шабурский, Шадринский, Лузянский, Лукинский и Паломохинский сельсоветы. Население здесь жило преимущественно русское, издавна поселившееся по берегам Моломы и ее притоков – Волманги, Кузюга, Шубрюга. Местность была холмистой, и деревни располагались чаще всего на возвышенностях. Почвы – также в основном оподзоленные суглинки и супеси, но, по сравнению с переселенческой частью, здесь было меньше болот, больше безлесного простора. И климат чуть мягче. Сенокосы находились главным образом в поймах рек, было больше заливных лугов, но без должного ухода укос трав с них был невысок – около 80 пуд. с дес. Обеспеченность сенокосами (при более высокой плотности населения) была явно недостаточной – 0,6 дес. на чел. Да и расположены сенокосы были зачастую довольно далеко – за 25-30 верст от деревни. Для старожильской части были характерны общинно-чересполосная система хозяйства. Деревни были крохотные, чаще всего в 6-8 дворов. Семейные разделы, связанные с переходом взрослых сыновей к самостоятельному хозяйству, влекли за собой измельчание полос. Обеспеченность пашней составляла 0,84 дес. на человека. В этой части района господствовало трехполье, хотя намечались и первые шаги к переходу на многополье. Техничко-технологический уровень, по сравнению с переселенческой частью, был существенно ниже: машины почти совсем не применялись, даже железные плуги были редкостью. Крестьянство все еще держалось за «косулю», соху. Грамотность и общий уровень культуры здесь также были ниже, чем в переселенческой части. Дополнительные приработки были возможны только на лесозаготовках и в сплаве леса по Моломе. Заготовку и сплав леса вели такие организации, как «Коопералес», «Волго-Каспийлес» и лесничество. Вследствие удаленности (до 100 км) от железной дороги эта часть экономически тяготела не к районному центру, а к Котельничу и Вятке.

В годы Гражданской войны крестьянам Опаринского района в полной мере довелось испытать тяготы, связанные с реализацией политики военного коммунизма. После 1917 г. имел место значительный отток хуторян-переселенцев на историческую родину. В числе причин этого можно назвать «запрещение свободной эксплуатации лесов, что было главнейшим занятием здешних крестьян и давало им огромные доходы, продрозверстка, закрытие свободной торговли и мобилизация на военную службу». К 1920 г. в районе было 955 эстонских хозяйств, 158 – латышских и 1685 – русских [5, с. 331]. Основную массу столыпинских переселенцев в Опаринском районе составили безземельные крестьяне Веневского уезда Прибалтийского края. Данные Губстатбюро и переписи 1920 г. о численности эстонского населения Опаринского района отражены в таблице 1 [2, л. 86].

Таблица 1 - Численность эстонского населения Опаринского района в 1920 году

Наименование волости	Число хозяйств	Мужчин		Женщин	
		грам.	негр.	грам.	негр.
Опаринская	643	886	299	893	347
Моломская	111	150	50	154	50
Переселенческая	161	194	91	162	127
Пермасская	40	54	24	73	22
Итого	955	1284	464	1282	54

Однако по справкам с мест эти цифры были значительно выше, и ориентировочно численность эстонского населения составляла 5-6 тыс. чел. Жизнь колонистов-эстонцев проходила на хуторах, которые располагались среди дремучих лесов, иногда – в нескольких верстах друг от друга. Население испытывало недостаток продовольствия, сена, хорошей одежды, обуви, спичек, мыла, соли и железа. Местами свирепствовали дизентерия, чесотка и цинга. В районе ощущалась острая нехватка культурных и партийных кадров. Так, если Моломская волость в свое время насчитывала 13 коммунистов, то к началу 1920-х гг. из них остался только один. В конце 1920 г. в Опарино была организована эстонская партсекция [1, л. 90]. Однако регулярной политико-партийной работы среди населения не велось. Партийные кадры были разбросаны по всему району и находились один от другого на расстоянии 50 и более верст. На местах отсутствовали ответственные организаторы. Понятно, что при таком положении дел о сколько-нибудь серьезном влиянии партии на местное население не могло быть и речи. В целом отношение населения к коммунистам было негативным, на членов партии смотрели как «на жуликов, негодяев и утопистов». Имел место массовый выход из рядов партии. Среди вышедших было немало честных и активных работников, которые ушли из партии из-за противоречий между программой, проводимой политикой на местах и жизнью. Партийной литературы в районе было мало, и таковая на местах не получалась.

Масса проблем имела в деле организации школьной и клубно-библиотечной работы. В районе имелось пять эстонских школ I ступени, из которых две за отсутствием учителей не могли начать работу, и еще три имели возможность начать работу лишь «с половинной энергией». Около 400-500 чел. детей соответствующего возраста не могли учиться за неимением достаточного количества школьных работников, отсутствием школ и по причинам материального характера, как, например, отсутствие обуви и одежды. Часто на почве недоедания школьные работники оставляли свои места, и школы оставались пустыми. Профессиональный уровень большей части педагогических кадров и библиотечных работников был низким. Читальни посещались мало, и заведующие библиотеками не

предпринимали необходимых мер, чтобы привлекать читателей. Лекций и бесед не устраивалось. Газеты и литература получались в самом ограниченном количестве и неаккуратно.

По отчетам местных партийных органов, настроение населения района можно было охарактеризовать как подавленное. В ходе беседы с населением, проведенной 18 сентября 1921 г. в Моломском клубе (присутствовало 70-80 человек), указывалось на целый ряд неправильных действий местных органов. Во-первых, в деле проведения продналога часто облагались те земли, которые никогда еще не были засеяны. При этом многочисленные просьбы и ходатайства часто оставались без внимания, так как местное население в большинстве не владело русским языком. Во-вторых, часто наблюдались случаи, где у крестьян в счет продналога не принимались продукты взамен тех, которых крестьяне вовсе не имели. В-третьих, декретом о рубке леса сильно стеснялось расширение площади обрабатываемой земли. В-четвертых, эстонское население было обделено квалифицированными кадрами: «где у эстонцев появится работник, его отзывают, откомандировывают и не дают возможности работать среди населения». Также участники беседы указывали на несправедливые действия райполитпросвета, который обещал заплатить рабочим за ремонт клуба, но рабочие в конечном итоге так ничего и не получили [2, л. 56-56 об.].

В Переселенческой волости местный исполком откровенно бездействовал. Все его члены являлись беспартийными, контроль над ними со стороны высших инстанций был очень слабым. В волости насчитывалось несколько десятков труддезертиров, осужденных на принудительные работы, но ни одного постановления нарсуда не было приведено в исполнение. Причем сам народный судья к этому не стремился, будучи уличен в пьянках и в получении взяток. О поведении народного судьи местная партийная ячейка сообщила в губернскую рабоче-крестьянскую инспекцию, но последняя вернула весь изобличающий материал обратно в ячейку «как не препровожденный по принадлежности». Партиячейка передала материал в губком РКП (б), но в течение нескольких месяцев никаких действий со стороны последнего предпринято не было. Аналогичные отрицательные явления в деятельности местных властей наблюдались и в других волостях Опаринского района. И руководство райкома в борьбе с ними демонстрировало свое явное бессилие. В высшие партийные инстанции неоднократно направлялись материалы о недопустимом поведении начальника районной милиции (пьянство, хулиганство, взяточничество и т.д.). В конечном итоге он был отстранен, но спустя несколько месяцев вновь назначен на ту же должность и продолжал работу в том же духе.

Многочисленные ошибки и злоупотребления были допущены в ходе кампании по сбору продналога. Так, продинструктор Кузюгской волости вначале потребовал от крестьян сдачи в счет продналога ржи, которая составляла 80% от общего размера продналога, но крестьяне поняли это так, будто от них требуют выплатить продналог в полном объеме. Затем последовала прибавка на 20% из других культур, и крестьяне восприняли ее как некий добавочный налог, который «будут теперь несколько раз добавлять, как раньше при разверстке». Крестьяне выражали недовольство действиями продработников, которые, по их мнению, «не исполняют декрета». Еще хуже обстояло дело с налогом на сено, которого в этом районе было очень мало. Сперва были взяты на учет только сенокосы, принадлежавшие хуторянам, которые проживали на территории района, без включения в списки хуторов, хозяева которых уехали в Эстонию или еще куда-либо. Также не включили в списки еще некоторую часть сенокоса из казенных лесов. Налог на сенокос был объявлен крестьянам только на внесенную в списки площадь, но затем губернскими властями было предписано собирать налог с общей площади сенокосных угодий, и получившуюся в результате перерасчета дополнительную сумму опять пришлось добавлять к первому налогу на сено.

По району был объявлен двухнедельник взыскания продналога, который заканчивался 5 ноября. Это время выделялось для агитации среди крестьян, которая предполагала разъяснение важности данной кампании и доведение информации, в какие сроки и в каком размере они обязаны вносить тот или иной налог. Но продработники во главе с райпродкомиссаром Зиновьевым предпочли действовать в лучших традициях военного коммунизма: они посылали в волость своих инструкторов с милиционерами, угрожая крестьянам арестами, конфискацией имущества и прочими карами. Крестьяне, приехавшие в Опарино для уплаты налога и имеющие небольшую задолженность (по 1,5-2 пуд. сена), просили отпустить их домой, чтобы они имели возможность погасить ее. Но райпродкомиссар арестовал их, оставляя на произвол судьбы их лошадей, которые стояли на улице не кормленные 1-2 суток, до тех пор, пока приехавшие их искать родные не увезли лошадей. Так было арестовано 2-3 ноября 20-30 чел. крестьян Опаринской волости, среди которых были также рабочие-железнодорожники, арестовать которых, в соответствии декретом Совнаркома, без ведома железнодорожной администрации никто не имел права. Также не была соблюдена инструкция по поводу пересмотра тех актов, которые были составлены летом по поводу плохого урожая того или иного хлеба. Волпродтройка затянула рассмотрение этого вопроса на несколько месяцев, тогда как по инструкции данные акты должны были быть просмотрены в двухнедельный срок, «и крестьяне, зная это, опять имели основание роптать, что акты были составлены, но положены под сукно». Понятно, что подобного рода действия затрудняли сбор продналога, сея среди крестьян недовольство и

создавая тем самым почву для активизации деятельности антисоветских элементов. Не лучшим образом была поставлена работа земотделов. Их руководство в буквальном смысле выгоняло крестьян из хуторов, несмотря на то, что таковые работали уже 1-2 года на выделенных им земельных участках и поселились туда с разрешения тех же земотделов, выполняя аккуратно все повинности и налоги, кроме требований взяток (что, вероятнее всего, и являлось истинной причиной выселения) [2, л. 61-61 об.]. Подобные явления имели место ввиду недостатка квалифицированных кадров, недостатка информации о проводимых властью мероприятиях и разъяснительной работы с населением.

В целом, ввиду территориальной оторванности и плохой связи с Никольским уездным центром, Опаринский район в своем развитии (экономическом, политическом, культурном и т.д.) фактически был предоставлен самому себе, поскольку не управлялся через возникшие районные учреждения непосредственно из губернского центра. Нормальному развитию района мешала формальная зависимость от уездного управления, хотя последнее, в силу объективных условий, опять-таки сводилось к нулю [3, л. 13 об.]. Существовала настоятельная потребность выделить Опаринский район в самостоятельную административную единицу, что в конечном итоге и было осуществлено в середине 1920-х гг.

Положительные тенденции в развитии сельского хозяйства Опаринского района наметились в связи с окончанием Гражданской войны и переходом к НЭПу. В 1925-26 хозяйственном году в районе насчитывалось 5350 хозяйств, которые имели в общей сложности 16 035 дес. пашни (по 3 дес. в среднем на хозяйство), 13 837 дес. сенокосов, в том числе 2 467 дес. заливных лугов. Первые годы после образования района прошли под знаком общего хозяйственного подъема. Новая экономическая политика давала свои позитивные результаты. О повышении доходности крестьянского хозяйства можно судить по результатам развития потребительской, кредитной и сельскохозяйственной кооперации. Если за весь 1924-25 хозяйственный год потребление товаров на одно хозяйство составляло 34 руб. 75 коп., то за первое полугодие 1925-26 года – 40 руб. 50 коп. Увеличились масштабы продаж по линии кредитного товарищества.

Правда, крестьянское хозяйство, пережившее разруху, пока тратило заработанные средства больше на обзаведение предметами домашнего обихода – на одежду, обувь и самые необходимые средства производства (косы, серпы, топоры, лопаты) при сравнительно небольшом количестве приобретаемых машин. Хороший урожай 1925 года как в отношении зерновых, так и трав, снижение сельхозналога, высокие цены на хлеб – все это способствовало росту благосостояния крестьянского хозяйства. Имели место определенные успехи в переходе на многополье в старожильческой части. В течение года к многопольным

севооборотам здесь перешли 30 деревень с 660 хозяйствами, что составило 12% к общему числу хозяйств. На 1925-26 год в районе было 4458 лошадей, 13 783 головы крупного рогатого скота, 9435 овец, 2108 свиней. В переселенческой части скот в качественном отношении был гораздо лучше. Так, например, коровы давали от 120 до 200 пудов молока в год, тогда как в старожильской части – только 35-90 пудов. Вывезенные из Эстонии овцы хорошо акклиматизировались и имели преимущества перед овцами местной породы как по шерсти, так и по количеству мяса. К 1928 г. в районе осталось 625 эстонских семей – 2438 чел. [5, с. 331]

Таким образом, в 1920-е гг. крестьяне Опаринского района демонстрировали модели воспроизводства экономики в условиях преодоления разрушительных последствий Первой мировой и Гражданской войн, с сохранением территориальной и национальной специфики внутри района. Происходил естественный отток населения из сельской местности в города, в армию. Особенности национальной ментальности проявлялись при восприятии таких государственных мероприятий, как продразверстка, продналог и впоследствии – коллективизации, происходившей в данном районе в виде сселения хуторов. Благодаря реализации новой экономической политики были созданы необходимые предпосылки для коренной реконструкции аграрного сектора, которая была вскоре осуществлена посредством массовой коллективизации.

Исследование выполнено в рамках проекта «Национальные меньшинства на территории Приуральяского региона в XIX – начале XXI вв.: вопросы истории и культурной адаптации» при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России 2009 – 2013 гг.» (соглашение от 7 сентября 2012 года 14.В 37.21.0957).

Список литературы

1. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 64. Д. 4.
2. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 64. Д. 97.
3. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 64. Д. 150.
4. 100 лет поселку Опарино. – Киров, 1999.
5. Энциклопедия Земли Вятской. – Киров, 2002. – Т. 1. Кн. 2. Села. Деревни.

Рецензенты:

Трушкова Ирина Юрьевна, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой Всеобщей истории Вятского государственного университета, г. Киров.

Бакулин Владимир Иванович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории Вятского государственного гуманитарного университета, г. Киров.